

Mnich, Roman

Гоголь versus Шевченко: дискусии и интерпретации

In: *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*.
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
245-255

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132733>

Access Date: 04. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ГОГОЛЬ VERSUS ШЕВЧЕНКО: ДИСКУССИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ROMAN MNICH (SIEDLCE)

В статье рассмотрены и проанализированы разные интерпретации творчества Николая Гоголя (1809-1852) и Тараса Шевченко (1814-1861) в контексте русско-украинских литературных и историко-культурных отношений. Уже при жизни эти два знаменитые украинца воспринимались полярно: Шевченко как самый яркий представитель украинского романтизма и украинского языка, а Гоголь как самый яркий пример «перехода» украинца на службу русской литературы и русской культуры (в этом смысле измены и предательства) и пример украинской стихии в русской литературе. В статье проанализированы интерпретации биографии и творчества Гоголя, предложенные украинскими учёными 20 века (Юрий Лыпа, Евгений Маланюк, Юрий Шевелёв) и соединяющие творческую биографию Гоголя с общим ходом развития украинской культуры в 19 веке (комплекс неполноценности, неполное стадийное развитие, запоздалое возрождение).

Ключевые слова: Николай Гоголь, Тарас Шевченко, литературная традиция, рецепция, русско-украинские культурные связи

In the article the author presents and analyzes different interpretations of Nikolai Gogol (1809-1852) and Taras Shevchenko's (1814-1861) creative activity in the context of Russian-Ukrainian literary, historical and cultural relations. Already during their lifetime both Ukrainians were perceived diametrically opposed: Shevchenko as one of the most bright representatives of the Ukrainian Romanticism and of the Ukrainian language, and Gogol as one of the most bright examples of a „transition” of a Ukrainian into the service of the Russian literature and culture. The author analyzes interpretations of Gogol's creative work and biography proposed by the literary critics of the twentieth century (Yuri Lypa, Eugen Malanyuk and Yuri Shevelov), in which Gogol's biography is linked with the main-stream of the Ukrainian culture of the nineteenth century (minority complex, incomplete development of stages, belated revival).

Key words: Nikolaj Gogol, Taras Shevchenko, literary tradition, reception, Russian-Ukrainian culture relations

1. Тема моего сообщения подсказана дискуссиями вокруг наследия Николая Гоголя в истории украинской культуры и украинского литературоведения. Начало своё эти дискуссии берут практически с первых литературных шагов Н. Гоголя и тянутся до сегодняшнего дня, до последней экранизации повести *Тарас Бульба* Владимиром Бортко. Суммируя всевозможные интерпретации и толкования творчества Н. Гоголя в контексте украинской проблематики, можно говорить о двух семантических полюсах, объясняющих сущность проблемы: 1) полюс негативный – Н. Гоголь как изменник по отношению к родной украинской культуре и 2) полюс положительный – Гоголь как гениальный украинец, пишущий на русском языке. Оба варианта ответа имеют историю своей интерпретации и свои обоснованные аргументы, на них мы и остановимся ниже.

В контексте представленной проблематики личность и творчество Николая Гоголя (1809-1852) всегда соотносилось по принципу противоположности с личностью и творчеством Тараса Шевченко (1814-1861). Поэтому с названными выше проблемами связаны и своеобразные метафизические вопросы о том, что было бы, если бы Н. Гоголь писал на украинском языке – как и Тарас Шевченко – и этот вопрос сводится к проблеме, мог ли Н. Гоголь быть зачинателем новой украинской прозы. Правда, некоторые украинские исследователи считают, что даже русскоязычный Гоголь является истоком и отправной точкой украинской национальной прозы. Юрий Шевелёв, в частности, об этом пишет так:

«Стало невідхильно ясно: джерело нашої національної прози – Гоголь, дарма, що писав він чужою мовою, бо сто років тому не можна було глибин українського духу появити світові в прозі українською мовою – через те, що літературна мова ще не вийшла тоді з пелюшок хуторянського етнографізму і через те, що українська література новою українською мовою не мала досить культурної традиції.»¹

2. Основные параметры сегодняшней интерпретации творчества Николая Гоголя, учитывая более, чем полуторавековую традицию, сводятся к нескольким, центральным для этого писателя, проблемам: раздвоенность души и отражение этой раздвоенности в творчестве, тема России и осмысление России – её прошлого, настоящего и будущего (тема русского чело-

¹ ШЕВЕЛЬОВ, Ю.: Вибрані праці у двох книгах. Книга II. Літературознавство. Київ 2008, с. 612. В таком контексте интересно стремление Ю. Шевелёва проследить традиции Г. Сквороды у Н. Гоголя, см.: SHEVELOV, Y. G.: Skovoroda – Gogol', Die Welt der Slaven, 1968 Jahrgang XIII, Heft 3, s. 317-326.

века), тайна русского человека, сатира со всей её сложной и парадоксальной идейной парадигмой как средство постижения действительности и её стиль (отсюда известное уже терминологическое определение «словечко» Н. Гоголя). Вполне возможно, что особо значимым здесь предстаёт отмеченное Дмитрием Мережковским в статье *Гоголь и чёрт* умение писателя увидеть и изобразить «самое смешное в самом страшном»².

Говоря об интерпретации наследия Н. Гоголя в этой связи, отдельно, очевидно, нужно упомянуть концепцию Н. Бердяева, кратко изложенную в его статье *Духи русской революции*. Соглашаясь с оценками В. Розанова (о котором мы скажем ниже), Н. Бердяев пишет о том, что до начала 20 века Россия не понимала Гоголя. Рационалистическое просвещение обусловило «старый взгляд на Гоголя как на сатирика и реалиста», но этот взгляд «требует радикального пересмотра»³. Творчество Гоголя, в понимании Н. Бердяева, представляет собой нечто враждебное исконной сакральной русской духовности, так же, как и чуждыми русской духовности являются «бесы русской революции»:

«Мертвые души не имеют обязательной и неразрывной связи с крепостным бытом и ревизор – с дореформенным чиновничеством... Гоголь как художник предвосхитил новейшие аналитические течения в искусстве, обнаружившиеся в связи с кризисом искусства. Он предвещает искусство А. Белого и Пикассо. В нём были уже те восприятия действительности, которые привели к кубизму. В художестве его есть уже кубическое расчленение живого бытия... Гоголь подверг аналитическому расчленению органически-цельный образ человека... Гоголь – инфернальный художник... В революции раскрылась всё та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая Россия харь и морд... Злые духи, которых видел Гоголь в их статике, вырвались на свободу и учиняют оргию... Русская революция есть трагикомедия. Это – финал гоголевской эпопеи. И, может быть, самое мрачное и безнадежное в русской революции – это гоголевское в ней. В том, что в ней есть от Достоевского, больше просветов. России необходимо освободиться от власти гоголевских призраков.»

² См.: МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: В тихом омуте. Москва 1991, с. 305 (статья Гоголь и чёрт).

³ Названная статья Н. Бердяева была опубликована в известном сборнике *Из глубины* (1918). Здесь и далее текст Н. Бердяева цитирую по изданию: Вехи. Из глубины. Москва 1991, с. 250-289. Статья Н. Бердяева состоит из трёх частей, посвящённых соответственно Гоголю, Достоевскому и Толстому, и заключения. Общий тон статьи выражен в эпиграфе из Бесов А. Пушкина, отражающем бесовство русской революции как дело дьявола. Подробнее о „гоголевских духах“ у Бердяева см. в Послесловии Р. Гальцевой к публикации отрывка из статьи в журнале «Знание – сила» (май 1990, с. 76-79).

В этой большой цитате для темы нашей статьи важны прежде всего мысли Н. Бердяева о том, что Гоголь предстает как явление «чуждое» русской культуре и «России необходимо освободиться от власти гоголевских призраков». Украинство Гоголя, таким образом, и есть тот чуждый элемент, который позволил писателю совершенно по-другому посмотреть на Россию.

В представленном перечне проблем для истории украинской культуры, пожалуй, самым характерным явлением была раздвоенность души Н. Гоголя. Гоголь не был исключением ни для своих предшественников (вспомним украинский 18 век и авторов, пишущих по-польски и по-русски), ни для украинских авторов второй половины 19 века (достаточно вспомнить личность Ивана Франко и трагедию раздвоения личности в его творчестве). Этот момент – переход украинцев в иноязычную культуру на протяжении веков – до сегодняшнего дня вызывает широкие дискуссии и споры среди историков культуры и литературы, социологов, философов. Поэтому наследие Гоголя в украинском литературоведении интерпретировалось и интерпретируется так неоднозначно.

Что касается Тараса Шевченко, то его творчество в украинском литературоведении в течение практически всего времени воспринималось в принципе однозначно, хотя вопрос о русском языке его прозы и русском языке его дневника до сегодняшнего дня остается открытым. И если украинские исследователи подчёркивают слабость (в художественном отношении) этих текстов, то Мариэтта Шагинян (автор самой лучшей русской монографии о Т. Шевченко), наоборот, пишет об их гениальности⁴.

3. Ещё во время жизни обоих писателей проблема их отношения к украинской культуре и культуре русской стала предметом тех оживлённых дискуссий и споров, которые, как уже отмечалось, не прекращаются до сегодняшнего дня. Лично Гоголь и Шевченко не были знакомы, хотя, безусловно, знали друг о друге, отзывались, а Т. Шевченко оставил даже известное стихотворное послание *Гоголю*.

Вопрос о типологическом или даже идейном сопоставлении творчества Т. Шевченко и Н. Гоголя имеет несколько плоскостей. На первый взгляд кажется, что кроме украинской родословной ничего общего у этих писателей найти нельзя, скорее наоборот, они абсолютно противоположны в своем отношении к самым важным аспектам европейской культуры и политики 19 века. Сама проблема украинского языка, которая в отношении

⁴ См. третью главу Проза в монографии Мариэтты Шагинян Тарас Шевченко (кроме отдельных изданий эта книга опубликована и в Собрании сочинений М. Шагинян, том 8 (Москва 1989), монография Тарас Шевченко, с. 237-491, глава Проза, с. 291-318).

Н. Гоголя решается украинскими литературоведами как предательство, а в отношении Т. Шевченко как национальный подвиг, вряд ли настолько однозначна. Тем более, если мы всерьёз учтём уже упомянутые русскоязычные произведения Т. Шевченко (часть поэзии и всю прозу) и его дневник.

Можно, конечно же, при интерпретации творчества обоих авторов увидеть и некоторые типологически сходные черты в их творчестве: от общих мотивов (фантастические элементы украинского фольклора, мотив убийства отцом своих детей – у Н. Гоголя это в повести «Тарас Бульба», у Т. Шевченко в поэме «Гайдамаки») до отдельных идейно-стилистических тенденций (например, сатира в петербургских повестях Н. Гоголя и сатира Т. Шевченко в поэме «Сон»). Более внимательное прочтение, однако, позволит найти целую гамму несоответствий и поставить под сомнение такую типологию. И именно отсюда проблема особой интерпретации украинской стихии в творчестве Н. Гоголя.

Вспомним, что в украинских энциклопедиях Н. Гоголь обычно фигурирует как «самый известный представитель «украинской школы» в русской литературе»⁵. Положение о двух душах Н. Гоголя – украинской и русской, выдвинутое в своё время Сергеем Ефремовым, утвердилось в украинском литературоведении и украинской культуре вообще уже в начале 30-х годов прошлого, 20 века⁶. Такой раздвоенности не было у Т. Шевченко. Здесь стоит вспомнить и другие примеры амбивалентного отношения Н. Гоголя к культурным феноменам, которые Т. Шевченко оценивал абсолютно однозначно, например, католичество. Если для Т. Шевченко католичество абсолютно неприемлемая форма веры, связанная с польским порабощением, унией, то для Гоголя «как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую»⁷.

4. Очень важным аспектом предлагаемых размышлений является также ситуация в украинской литературе начала 19 века и отношение украинской литературы к двум соседним литературам – русской и польской. Основной проблемой, решаемой в это время украинской литературой, была проблема создания романтической идейно-эстетической парадигмы и всевозможных

⁵ ЧИЖЕВСЬКИЙ, Д.: Гоголь Микола, в: Енциклопедія українознавства. Словникова частина. Том 1, Munich 1955, с. 391

⁶ Официально этот тезис был введён в оборот в статье о Н. Гоголе в первой украинской энциклопедии, см.: Українська загальна енциклопедія. Книга знання в 3-ох томах. Том 1. Львів-Станіславів-Коломия (без року видання), с. 803.

⁷ См. статью о Н. Гоголе в Католической энциклопедии (МЕЛЕНБЕРГ, А.: Гоголь Николай Васильевич, в: Католическая энциклопедия. Том 1, Москва 2002, с. 1340-1341).

составных идеологий, сопутствующих этой парадигме. Для украинской литературы такими составными, прежде всего, были литературный язык и система литературных жанров и стилей (конец 18 века). С другой стороны, Украина, её история и фольклор представляли для русских и польских писателей экзотику (историческую и географическую) – именно отсюда такие явления, как украинская школа в польской и русской литературе.

Интересно отметить, что для самого Т. Шевченко проблемы языка Н. Гоголя не существовало, он воспринимал Гоголя как противоположный полюс своего собственного творчества (формула «ты смеёшься, а я плачу»). В известном стихотворении Тараса Шевченко *Гоголю* речь идет, прежде всего, о бессилии «великим словом» изменить мир. Что же касается Н. Гоголя, то он, наоборот, считал, что писать нужно исключительно на русском языке. В этом смысле весьма показательны широко известные воспоминания о разговоре Н. Гоголя с Осипом Бодянским и оценка Гоголем творчества Шевченко:

«Я знаю и люблю Шевченко как земляка и даровитого художника: Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту. Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые жваки. Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой невозможно». При этом Гоголь говорил: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски: надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня – язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан»⁸.

Стоит напомнить, что Гоголь, как и его современник, украинец Михайло Максимович, выступил с поддержкой правительственного курса «Православие, Самодержавие, Народность» и стал деятельным сотрудником «Журнала министерства народного просвещения». Свою связь с Москвой и Россией Гоголь неоднократно подчёркивал публично и в частной переписке. Достаточно вспомнить известные слова из его письма Сергею Аксакову от 5 марта 1841 года: «Теперь я ваш; Москва моя родина. В начале осени я прижму вас к моей русской груди»⁹. Таким образом, в случае Гоголя украинская проблема разрешалась в пользу России.

⁸ Исторический вестник, 1881, № 12, с. 479. Цитирую по тексту Гоголь и русско-украинский вопрос на сайте <http://www.kemrsl.ru/catalog/175.html> (21.11.2009).

⁹ ГОГОЛЬ, Н. В.: Собрание сочинений в семи томах. Том 7. Письма. Москва 1986, с. 194.

5. В истории русской культуры второй половины 19 века при очень широком осмыслении феномена Н. Гоголя и феномена Т. Шевченко мы можем выделить два этапа, связанные соответственно с двумя именами – это Виссарион Белинский и Василий Розанов. Оба писателя, абсолютно полярные в своих оценках Н. Гоголя и Т. Шевченко, определили надолго символическо-семантический круг вопросов, касающихся творчества двух классиков.

Считается общепринятым тот факт, что по сути именно В. Белинский открыл русской публике смысл творчества Н. Гоголя в серии своих статей, осудив напоследок в своем знаменитом письме к Гоголю *Выбранные места из переписки*. Но общая оценка творчества Гоголя у Белинского положительная, «Белинский написал более двадцати статей и множество рецензий, заметок, специально посвящённых творчеству писателя, с которым он связывал настоящее и будущее русской литературы». Белинский прямо писал о том, «Гоголь – великий талант, гениальный поэт и первый писатель современной России»¹⁰. Если же говорить об отношении В. Белинского к Т. Шевченко и его творчеству, то это отношение было абсолютно негативным и выразилось в знаменитом письме к Павлу Анненкову (1-10 декабря 1847 года), написанном незадолго до смерти. В. Белинский был раздражён действиями цензуры, обусловленными «хохлацким патриотизмом» и писал: «Но здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому... Я питаю личную вражду к такого рода либералам. Это враги всякого успеха... Ох эти мне хохлы! Ведь бараны, а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом»¹¹. Эта цитата широко известная, менее, однако, известен тот факт, что В. Белинский, начиная с 1843 года, хлопотал о предоставлении ему потомственного дворянства, и эти хлопоты увенчались успехом: 3 июля 1847 года Департамент герольдии утвердил право В. Белинского на потомственное дворянство¹². В свете этой истории, конечно же, весь контекст разночинской идеологии В. Белинского, типичный для русского

¹⁰ БЕЛИНСКИЙ, В. Г.: Собрание сочинений в девяти томах. Том 5: Статьи, рецензии и заметки. Апрель 1842-ноябрь 1843. Москва 1979, с. 520, 521.

¹¹ БЕЛИНСКИЙ, В. Г.: Собрание сочинений в девяти томах. Том 9: Письма 1829-1848. Москва 1982, с. 689-690.

¹² БЕЛИНСКИЙ, В. Г.: Собрание сочинений в девяти томах Том 9: Письма 1829-1848. Москва 1982, с.816. Здесь стоит вспомнить слова Ю. Шевелёва: „Ідеї Бєлінського мінялися докорінно, від царєсластва „Бородинської годовщини” до революціонізму „Письма к Гоголю”, але завжди він відчував себе носієм абсолютної істини, покликаним повчати й вести всіх за собою, і ніколи не відкрився йому сенс відносності і почуття толерантності” (ШЕВЕЛЬОВ, Ю. Вибрані праці у двох книгах. Книга II. Літературознавство. Київ 2008, с. 339).

литературоведения прошлого века, как и отношение его к крепостному Т. Шевченко, приобретает новый смысл.

С чем-то абсолютно противоположным мы сталкиваемся в случае с Василием Розановым, который резко критикует В. Белинского за его высказывания о Т. Шевченко и вместе с тем резко осуждает Н. Гоголя. В. Розанов пишет, что В. Белинский топчет любовь и привязанность к родной земле прекрасного поэта во имя обхода цензуры для французской словесности, и причину этого явления В. Розанов видит в непонимании В. Белинским своей собственной земли, того материнского чрева, которое всех выкормило и выносило¹³. Что касается оценки Н. Гоголя, то В. Розанов ценил исключительно гениальную форму писателя, осуждая идеологическую парадигму его творчества. В этом смысле его оценки Н. Гоголя почти полностью совпадают с оценками украинских писателей и критиков (Евгений Маланюк, Юрий Лыпа, частично Дмитрий Чижевский). Приведу уже расхожие цитаты без комментария: «И *весь* Гоголь, *весь* – кроме «Тараса» и вообще малороссийских вещей, – есть *пошлость* в смысле постижения, в смысле содержания. И – *гений* по форме, по тому, «*как*» сказано и рассказано»; «такое дьявольское могущество, как «Мёртвые души»...»; «Толстой не был вовсе религиозным лицом, религиозною душою, как и Гоголь. У обоих страх перед религией – страх перед тёмным, неведомым, *чужим*»; «Ни один политик и ни один политический писатель *в мире* не произвёл в «политике» так много, как Гоголь»; «Что же это такое? Странная элементарность души. Поразительно, что Гоголь и сам не развивался; в нём не перестраивалась душа, не менялись убеждения. Перейдя от малороссийских повестей к петербургским анекдотам, он только перенёс глаз с юга на север, но глаз этот был *тот же*»¹⁴.

Так в двух полярных оценках выглядело творчество Никола Гоголя в русском литературоведении и русской философской мысли.

6. Оценка творчества Н. Гоголя в украинском литературоведении и украинской критике, к сожалению, сегодня не изучена основательно, хотя на эту тему написано десятки научных статей. Особенно неизученным остается период 20-30-ых годов прошлого века, когда после эпохи модернизации украинского общества уже ни у кого не возникало никаких сомнений по поводу существования украинской культуры и украинского языка. На общеевропейском фоне развала двух империй – Австро-Венгерской и Рос-

¹³ См. об этом: РОЗАНОВ, В. В.: Религия и культура. Том 1, Москва 1990, с. 115 (статья Культурная хроника русского общества и литературы за 19 век).

¹⁴ РОЗАНОВ, В. В.: Уединённое. Том 2, Москва 1990, с. 314, 357, 378, 442, 564.

сийской – украинская нация заявила о себе эпохой национально-освободительных войн и движений. И обращение к оценке творчества Гоголя в такой ситуации выглядело закономерным, как и закономерным выглядело противопоставление его творчества творчеству и личности Тараса Шевченко.

Мы остановимся на двух, наиболее показательных примерах критики Гоголя: речь идёт о таких известных украинских писателях и культурологах, как Юрий Лыпа (1900-1944) и Евгений Маланюк (1897-1968).

В 1938-1939 годах в Львовском журнале «Дзвони» Юрий Лыпа публикует цикл статей под названием *Чаклун із хутора (Чародей из хутора)*, посвящённый осмыслению феномена Гоголя в контексте украинской культуры. Общий итог своих рассуждений и своей критики Ю. Лыпа представляет в последней статье цикла, делая акцент на страстях «серой личности Гоголя»:

«Його твори в часах передвоєнних масово поневолювали духово українців. Вразлива українська душа, що зайшла до його отруйного музею воскових фігур, інколи вже до кінця життя з того музею не вийшла, беручи розмальований віск за відвічну душу раси... Гоголь – це зявище окастровання волі до влади в еліті на тлі матеріального добробуту... Почуття національної гідності – це визвіл від Гоголя. Поняття повної людини, що принесла Україна, нищить пів головок Гоголя... І врешті, як прийдемо до присуду над Гоголем, як зявищем, як світоглядом. Його український світогляд вузький, його українська моральність низька. Гоголь писав про Україну в її часах найбільш бурхливих, найбільш обнятих матеріалізмом»¹⁵.

Ю. Лыпа специально подчёркивает тот факт, что у Гоголя украинская душа умерла, что за этой душой писатель не видел и «не хотел признать никакого будущего», но вместе с тем, по мнению Лыпы, среди русских Гоголь тоже не был до конца своим («Не русское сердце», – кричал Толстой, «Хитрый украинец обманет всех», – рассудил Пушкин»). *Мёртвые души* в оценке Юрия Лыпы – это «самая фатальная но и самая глубокая **украинская** книга» (курсив мой – *Р. М.*), а персонажи поэмы – это образы украинцев, среди которых ни у кого нет «великой веры, нет отдельного мира, нет пристоков всех человеческих вещей, нет свободной души человеческой».

Подобно оценивает творчество Гоголя и Евгений Маланюк, который пишет об ущербности гоголевских персонажей, их неполноте и уродстве, называя все эти черты лейтмотивом украинского типа личности: «Неповнота, щербатість, калічність особистості – це лейтмотивний український тип»¹⁶.

¹⁵ См.: Дзвони, 1939, ч. 1/2, с. 30-40.

¹⁶ МАЛАНЮК, Є.: Нотатники (1936-1968). Київ 2008, с. 64.

Маланюк противопоставляет гоголевских неполных людей двум, в его концепции полноценным, личностям: Богдану Хмельницкому и Тарасу Шевченко. Самому же Гоголю Маланюк противопоставляет Пантелеймона Кулиша: „Властиво повних людей було за прожиті століття тільки двоє – Богдан і Тарас. Зрештою в Гоголі ця сторона досягла своєї „повноти“. У Кулиша – навпаки і тут ціла тайна Кулиша – це антипод Гоголя“. Несколько другие оценки творчества Гоголя мы встречаем в специальной статье Е. Маланюка о Гоголе. Здесь прослеживается мысль не столько об измене Гоголя, сколько о трагедии «раздвоенной украинской души» Гоголя, попавшей в объятия России: «Більшу частину свого життя мусів Гоголь трагічно удавати росіянина, патетичного патріота імперії (механіки якої не міг не знати) і одного з фундаторів її літератури»¹⁷.

Так выглядит в общих чертах рецепция Гоголя в её сопоставлении с рецепцией Шевченко в украинском литературоведении¹⁸. Следует, однако, заметить, что некоторые исследователи не столько противопоставляли, сколько сопоставляли творчество Гоголя и Шевченко, подчёркивая, что «Гоголь по своим взглядам – это чистый украинец и у него с Шевченко «общего намного больше, нежели с славянофилами». Именно к таким выводам пришёл в своё время польский мыслитель Марианн Здзеховский в статье «Шевченко и Гоголь»¹⁹.

7. Весьма важный сегодня для исследователей вопрос касается того, насколько Тарас Шевченко и Николай Гоголь определяют идейное, эстетическое и художественное сознание современной России и современной Украины. Если говорить о Т. Шевченко, то, понятно, что для сегодняшней России его творчество (русскоязычная проза и частично поэзия) – это просто одна из страниц, совершенно забытая, истории литературы 19 века. В Украине же, наоборот, поэзия Т. Шевченко всегда была актуальной, несмотря ни на какие режимы, а в последние годы она стала даже полем борьбы за настоящую науку между двумя лагерями украинских литературоведов.

Иначе дело обстоит с Николаем Гоголем. Для истории русской литературы его творчество представляет целую эпоху, гоголевская традиция и сегодня является одной из основных тенденций в развитии русской литера-

¹⁷ МАЛАНЮК, Е.: Книга спостережень. Проза. Торонто 1962 (статья Гоголь – Гоголь, с. 191-210).

¹⁸ Своеобразным итогом в исследовании этой проблемы может быть статья П. Филиповича Українська стихія в творчості Гоголя (Вінніпег 1952)

¹⁹ ZDZIECHOWSKI, M.: Mesyaniści i słowianofile. Szkice z psychologii narodów słowiańskich. Kraków 1888, s. 291.

туры. При этом мы должны помнить о многомерности этой традиции – от сатирического осмысления общества до попыток философского обоснования человеческого бытия, от религиозных исканий до осмысления феномена России и места русского человека в мире. Но творчество Н. Гоголя имело и имеет огромное влияние также и на украинскую литературу, до сегодняшнего дня включительно, достаточно вспомнить здесь прозу Юрия Андруховича.

